

Хуа Маньлоу промолчал. О слухах они, конечно, знали, но Тан Мочэнь, похоже, не особо обращал на них внимание. Если бы он действительно был обеспокоен, он бы уже давно опроверг их, особенно когда Лу Сяофэн сказал то, что привело к недоразумению с Хэ Гуном и остальными. Но он не стал этого делать, значит, ему было всё равно. Ему было безразлично мнение окружающих. Можно сказать, что он был странным, а можно — что жил свободно. Во всяком случае, ни Лу Сяофэн, ни Хуа Маньлоу не могли бы так поступить.

Другой главный герой этой истории, Симэнь Чуйсюэ, тоже давно знал о слухах. С его влиянием он мог бы легко пресечь их в зародыше. Но в сердце Симэня Чуйсюэ был только меч и несколько его друзей. В остальном он, казалось, тоже не обращал внимания на внешний мир, поэтому, услышав о слухах от своего управляющего, он просто проигнорировал их.

Идея Лу Сяофэна взять Хуа Маньлоу и Тан Мочэня с собой в Помесье Десяти Тысяч Слив была отвергнута обоими. Но сдался ли Лу Сяофэн? Конечно, нет. В конце концов, Хуа Маньлоу сдался под его постоянными уговорами, ведь если бы он не согласился, Лу Сяофэн бы просто замучил его своими разговорами о том, как прекрасно Помесье Десяти Тысяч Слив.

К вечеру они добрались до поместья. После наступления темноты Помесье Десяти Тысяч Слив не принимало гостей, даже Лу Сяофэна. Поэтому они ускорились и успели добраться до поместья до того, как совсем стемнело.

— Симэнь Чуйсюэ, я привёл твоего сына навестить тебя, — первым делом сказал Лу Сяофэн, увидев Симэня Чуйсюэ.

Симэнь Чуйсюэ держал в руках меч, словно только что закончил тренировку. Как только Лу Сяофэн произнёс эти слова, меч Симэня Чуйсюэ вылетел из ножен. Что было фирменным приёмом Лу Сяофэна? Конечно, Палец Единения Душ. Но Лу Сяофэн никогда не мог остановить меч Симэня Чуйсюэ, и на этот раз тоже не смог.

Меч Симэня Чуйсюэ остановился у горла Лу Сяофэна. На лице Лу Сяофэна всё ещё была улыбка, он не пытался уклониться, уверенный, что Симэнь Чуйсюэ не причинит ему вреда. И действительно, кончик меча остановился в нескольких сантиметрах от его горла.

Они смотрели друг на друга, и вдруг меч Симэня Чуйсюэ двинулся, но на этот раз его целью были усы Лу Сяофэна. Лу Сяофэн, конечно, понял намерения Симэня Чуйсюэ, но расстояние было слишком маленьким, а меч слишком быстрым. Лу Сяофэн не смог увернуться, и в результате его знаменитые усы были сбиты.

Увидев Лу Сяофэна без усов, Симэнь Чуйсюэ улыбнулся. Мало что могло вызвать у него улыбку, но Лу Сяофэн без усов был одним из таких случаев. Хотя Симэнь Чуйсюэ и не обращал внимания на слухи, он знал, что их источником был Лу Сяофэн. Изначально он не планировал ничего предпринимать, но Лу Сяофэн сам пришёл за наказанием.

— Брат Лу, без усов ты выглядишь намного моложе и симпатичнее, — сказал Тан Мочэнь, тоже улыбаясь.

Он подошёл к Лу Сяофэну и взялся за его одежду. Лу Сяофэн смотрел на Тан Мочэня в оцепенении, всё ещё не оправившись от шока из-за потери усов. Он даже не заметил, что Тан Мочэнь нанёс на его одежду что-то, и когда тот полностью втёр это в ткань, Лу Сяофэн всё ещё ничего не подозревал.

Хуа Маньлоу и Симэнь Чуйсюэ, конечно, заметили это, но не сочли нужным предупредить Лу Сяофэна. Хуа Маньлоу даже улыбнулся с лёгким злорадством.

— Впервые я жалею, что не вижу. Интересно, как выглядит Лу Сяофэн без бровей.

— Брат Хуа, давай найдём художника, чтобы запечатлеть нынешний облик Лу Сяофэна, — предложил Тан Мочэнь.

— А если Лу Сяофэн не захочет позировать?

— Тогда я сделаю так, чтобы у феникса с двумя бровями не осталось ни одной.

Услышав это, Хуа Маньлоу рассмеялся ещё громче, а Лу Сяофэн, наконец, почувствовал опасность и мгновенно забрался на крышу, отказываясь спускаться. Симэнь Чуйсюэ, похоже, тоже нашёл предложение Тан Мочэня забавным и уже приказал управляющему найти художника. Лу Сяофэн, наконец, понял, что зря привёл Тан Мочэня и Хуа Маньлоу к Симэню Чуйсюэ, чтобы над ним поиздеваться. В душе он плакал, кусая платок, и думал, не поздно ли вернуть их в Башню Ста Цветов.

Управляющий, естественно, быстро выполнил приказ Симэня Чуйсюэ, и вскоре привёл художника. Это был бухгалтер Поместья Десяти Тысяч Слив, которому было уже за пятьдесят. Когда Симэнь Чуйсюэ был ребёнком, он был его учителем, а позже остался в поместье, заняв место старого бухгалтера.

Так как уже стемнело, пригласить художника с горы можно было только на следующее утро, поэтому управляющий решил позвать бухгалтера, зная, что тот обладает отличными художественными навыками.

Художник был готов, но Лу Сяофэн никак не хотел сотрудничать. Он упрямо сидел на крыше, словно собирался провести там остаток жизни.

— Братик, Лу Сяофэн не хочет спускаться. Наверное, ты не угостил его хорошим вином, поэтому он обиделся и залез на крышу, — сказал Тан Мочэнь, его детский голосок звучал невинно.

Все, кто находился рядом, услышали эти слова, и Лу Сяофэн тоже. Ему казалось, что Тан Мочэнь превратился в маленького демона, который знал, как ударить точно в цель. Как будто в подтверждение его мыслей, Симэнь Чуйсюэ улыбнулся. Это была уже вторая его улыбка за сегодня, а после первой он потерял свои драгоценные усы.

Симэнь Чуйсюэ повернулся к управляющему и что-то сказал ему. Вскоре управляющий ушёл, а когда вернулся, принёс три стула и несколько кувшинов вина.

Стулья, естественно, были для Хуа Маньлоу, Тан Мочэня и Симэня Чуйсюэ, ведь они уже давно стояли.

Кувшины с вином выстроились в ряд перед ними. Управляющий открыл один из них, и аромат вина разлился по воздуху. Это было одно из любимых вин Лу Сяофэна, которое он всегда пил, когда приходил к Симэню Чуйсюэ.

Лу Сяофэн почувствовал запах вина и сглотнул. Это был «Бамбуковый лист», но с лёгким отличием. В нём чувствовался аромат сливы, который добавлял вину особую изысканность.

Поместье Десяти Тысяч Слив, как следует из названия, было окружено множеством сливовых деревьев. Каждый год, когда снег покрывал сливы, его собирали вместе с лепестками, и вода, настоящая на них, использовалась для приготовления этого вина. Оно было менее крепким,

чем обычный «Бамбуковый лист», но обладало неповторимым ароматом.

Лу Сяофэн слегка спустился вниз, но не собирался полностью сходить с крыши. Он колебался. Если он спустится, его точно поймут и нарисуют в таком виде. Но если он останется на крыше, вино, которое уже открыли, будет терять свой аромат, и это было для него невыносимо.

Пока Лу Сяофэн размышлял, трое внизу не спешили. Симэнь Чуйсюэ уже перестал улыбаться и теперь спокойно чистил свой меч. Хуа Маньлоу неспешно пил чай, а Тан Мочэнь рассчитывал, когда подействует лекарство, которое он нанёс на одежду Лу Сяофэна.

Прошло некоторое время, и вдруг раздался звук урчания. Это был Тан Мочэнь, самый младший из них. Он проголодался. Оставлять гостя голодным было неприемлемо, поэтому Симэнь Чуйсюэ перестал чистить меч и задумался, не стоит ли прервать всё это и отправиться ужинать.

<http://bllate.org/book/16231/1458252>